

К. Б. Назаренко

Михаил Николаевич Тухачевский: между мифами и исторической наукой¹

Трудно назвать другую личность в отечественной истории XX в., которая, не являясь политическим лидером, вызвала бы при жизни и после смерти такой диапазон полярных суждений и такое обилие разносортной литературы, как личность М. Н. Тухачевского.

Обращение к фигуре М. Н. Тухачевского не случайно. В ней, как в фокусе, сошлись вопросы историографии, связанные с политическим выбором офицеров «старой» русской армии, с оценкой роли военных деятелей гражданской войны, с военным строительством и с разработкой вопросов военной теории, с борьбой за власть в руководстве СССР в 20–30-е гг., с репрессиями 30-х гг., наконец, с проблемой причин поражений Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны. Кроме того, романтический образ М. Н. Тухачевского, имидж «красного Бонапарта», «аристократа в революции», сложившийся вокруг него, добавляли и добавляют остроты этой фигуре. Регулярно подогревает интерес к нему документальное и художественное кино².

С образом М. Н. Тухачевского связано исключительно большое число мифов, отличающихся устойчивостью и широким распространением. Миф о «советском Бонапарте» 20-х гг.³ сменился «черным» мифом о враге народа, заговорщике, троцкисте и фашисте Тухачевском⁴. На смену ему в 60-х гг. пришел «светлый» миф о гениальном военном теоретике, гибель которого во многом предопределила поражения Красной Армии в начале Великой Отечественной войны⁵. Во время «перестройки» возникает новый «черный» миф о Тухачевском — палаче собственного народа, человеку, который травил газами тамбовских мужиков и расстреливал кронштадтских матросов⁶. Одновременно возрождается миф о Тухачевском-заговорщике⁷. Продолжает бытовать и миф о гениальном военном теоретике, правда, в облегченном варианте, в котором имя Тухачевского связывают с различным чудо-оружием, которое, будь оно вовремя изготовлено

Назаренко

Кирилл Борисович,

доктор исторических наук, профессор,

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

в нужном количестве, быстро принесло бы победу в Великой Отечественной войне⁸. В то же время родился и «черный» миф о Тухачевском, зеркально отражающий предыдущий. Согласно ему, маршал стоял во главе группы безумных изобретателей, которые с его помощью тратили миллионы, а действительно перспективные и нужные проекты оставались «в загоне», что привело к развалу системы вооружения РККА в конце 30-х гг.⁹

Ситуация осложняется тем, что для современной российской историографии характерен крайний плюрализм мнений, приводящий к сосуществованию концепций, которые были порождены различными эпохами и стадиями развития исторической науки. Околонаучные и квазинаучные публикации добавляют остроты в этот научно-литературный винегрет. Историк же, пытающийся дискутировать с явно ненаучными утверждениями, получает в ответ универсальный ответ: «Это всего лишь Ваше мнение».

Несомненно, на сегодняшний день наиболее основательными работами, специально посвященными М. Н. Тухачевскому, являются монографии С. Т. Минакова¹⁰ и Ю. З. Кантор¹¹. Книга Б. В. Соколова построена на значительно меньшем материале, но в ней предпринята попытка проанализировать военно-теоретические взгляды М. Н. Тухачевского и его современников¹². В 2014 г. вышло в свет очередное исследование, посвященное «красному маршалу», авторы которого, Н. И. Шило и А. В. Глушко, останавливаются на нескольких важных эпизодах деятельности М. Н. Тухачевского¹³. К сожалению, складывается впечатление, что тем, кто пишет, некогда читать труды коллег. Так, Н. И. Шило и А. В. Глушко ни разу не упоминают работы С. Т. Минакова, хотя явно стараются опровергнуть его концепцию причин гибели маршала в своем очерке о следствии по «делу М. Н. Тухачевского»¹⁴. Здесь проявляется еще одна характерная черта современной российской историографии — значительное ослабление научных связей между историками, когда ведение научной дискуссии становится неинтересным и ненужным делом, поскольку для упрочения своих позиций достаточно опубликовать собственную точку зрения, а дискуссия с оппонентами воспринимается как реклама их взглядов.

Кроме уже названных, увидел свет ряд других публикаций, посвященных «красному маршалу»¹⁵, не считая десятков книг и статей, в которых затрагиваются те или иные стороны деятельности М. Н. Тухачевского. Характерен крикливый заголовок, под которым был опубликован сборник, посвященный суду над М. Н. Тухачевским¹⁶.

Б. В. Соколов сосредоточивается на том, чтобы дать всестороннюю картину деятельности М. Н. Тухачевского как военного теоретика и военного руководителя. К положительным сторонам работы Б. В. Соколова следует отнести попытку разобраться в действительном ходе следствия над Тухачевским и его коллегами, в том, какими методами велись допросы, допущение возможности, что к М. Н. Тухачевскому не применялись пытки. Б. В. Соколов пытается объяснить сравнительно быстрое получение следователями признательных показаний от арестованных, их поведение на суде, но при этом он категорически отвергает версию

наличия заговора¹⁷. Однако отсутствие научно-справочного аппарата в значительной степени обесценивают эти положительные черты.

Можно лишь приветствовать попытку Б. В. Соколова затронуть в его работе о М. Н. Тухачевском такую важную сторону его деятельности, как военная теория. Однако осуществить эту попытку на должном уровне он не сумел, например, оставшись в плену мифа о противостоянии «кавалеристов» и «механизаторов» в руководстве РККА в 30-е гг., который взаимосвязан с мифом о полной устарелости кавалерии как рода войск накануне Второй мировой войны.

Б. В. Соколов, цитируя работу Б. М. Фельдмана «К характеристике новых тенденций в военном деле», пишет, что автор «решил в своей книге потрафить старому конармейцу Клименту Ефремовичу [Ворошилову], утверждая, что кавалерия будет играть значительную роль в будущей войне»¹⁸, «во всех армиях мира... в итоге не осталось и собственно кавалерийских соединений. Только в Красной Армии вплоть до Великой Отечественной войны продолжали говорить о взаимодействии конницы и танков, что в ходе войны привело только к напрасным людским потерям»¹⁹.

Между тем такая форма оперативного использования кавалерии, как конно-механизированная группа, успешно применялась даже в 1945 г., причем не только на Дальнем Востоке, но и в Европе. Весной 1945 г. в составе 2-го Украинского фронта действовала 1-я гвардейская конно-механизированная группа, состоявшая из одного стрелкового корпуса, одного мехкорпуса, двух кавалерийских корпусов и одной горной инженерно-саперной бригады²⁰. В германской армии в 1942–1945 гг. произошел «ренессанс» упраздненной было кавалерии. В современной военно-исторической литературе неоднократно указывалось, что в условиях ограниченности ресурсов и бездорожья (характерных для нашей страны) кавалерия вполне удовлетворительно исполняла роль «суррогата» мотопехоты²¹. Все это с очевидностью показывает, что кавалерия достаточно успешно могла применяться в условиях Второй мировой войны и речь о ее отмирании в самом начале 30-х гг. было вести рано, а спор «кавалеристов» и «механизаторов» не имеет столь очевидно правой стороны, как иногда кажется.

Весьма ценной представляется та часть работы Ю. З. Кантор, в которой она описывает пребывание М. Н. Тухачевского в плену в годы Первой мировой войны. Благодаря тщательному изучению большого объема немецкоязычных публикаций и источников, ей удалось нарисовать картину содержания русских военнопленных офицеров в Германии значительно более детальную, чем ранее встречалось в отечественной историографии. Еще один несомненный плюс работы Ю. З. Кантор — обзор советско-немецких военных связей 20–30-х гг., хотя из этого материала она не делает напрашивающихся выводов о том, что симпатии между советскими и немецкими высокопоставленными офицерами не исчезли в январе 1933 г. и что в контексте этих симпатий было бы уместным рассмотреть вопрос о проблеме заговоров в вермахте и РККА в 30–40-е гг.

К сожалению, раздел исследования Ю. З. Кантор, который посвящен проблемам участия М. Н. Тухачевского в военном строительстве 20–30-х гг., значительно проигрывает в сравнении с предыдущими главами монографии. Ее анализ влияния репрессий на советские вооруженные силы откровенно беспомощен и строится на утверждениях, имеющих очень мало точек соприкосновения с реальностью. Например, присутствует такая фраза: «Страна осталась с обезглавленной и деморализованной армией. Перспективные военнаучные исследования были практически остановлены... потому знаменитые “катюши” появились на фронте только в 1943 году, потому основной авиационной единицей к началу войны был фанерный У-2»²². Чтобы прокомментировать это утверждение Ю. З. Кантор, достаточно сказать, что уже в 1941 г. было изготовлено 593 установки БМ-13²³, а самолеты У-2 составляли лишь 0,16 % авиапарка боевых частей в тех округах, которые вступили в войну с ее первых минут²⁴.

На сложнейшую проблему развития бронетанковых и механизированных войск в 30-е гг. Ю. З. Кантор тратит один абзац и приходит к выводу, что «идея “старых военспецов”, поддержанная Тухачевским и Якиром, о формировании механизированной (танковой) армии в приграничных округах была намертво забыта»²⁵. Разумеется, «старые военспецы», если понимать под ними, как это принято, высокопоставленных офицеров дореволюционной формации, не имели никакого отношения к строительству танковых войск в 30-е гг. В СССР это было дело молодых энтузиастов, точно так же, как и в Германии. Если анализировать реальность, а не фантазии, то придется признать, что период наиболее быстрого изменения штатов танковых войск, период создания большинства крупных соединений этих войск (дивизий и корпусов) приходится как раз на 1939–1941 гг. Вот краткая хронология этого процесса: в 1925 г. в РККА созданы отдельные танковые батальоны, в 1929 г. — опытный механизированный полк, в 1930 г. — механизированная бригада, в 1932 г. — 2 механизированных корпуса (уровня позднейшей дивизии) и 5 танковых бригад, в 1938 г. (после гибели М. Н. Тухачевского) механизированные корпуса переименовываются в танковые, изменяется их организация и формируется еще 2 корпуса, в 1940 г. танковые корпуса переформируются в моторизованные дивизии, в конце 1940 г. были сформированы 9 механизированных корпусов принципиально новой организации, в начале 1941 г. к ним прибавили еще 20²⁶! Возникает риторический вопрос: когда танковые войска развивались быстрее — при жизни М. Н. Тухачевского или после его гибели? Что касается идеи создания механизированной армии, то она благополучно пережила М. Н. Тухачевского, существуя сначала в форме конно-механизированной группы фронтового подчинения, а затем — в форме механизированных корпусов образца конца 1940 г. Другое дело, что между правильной идеей и жизнеспособным воплощением ее в действительность лежит длительный путь, который советские войска прошли в боях 1941–1943 гг.

На наш взгляд, эти черты работы Ю. З. Кантор иллюстрируют еще одну серьезную проблему современной отечественной историографии — следование многих авторов предвзятым установкам, которые не изменяются под влиянием фактов, описываемых исследователем в его же работе. В итоге получается исследование, содержащее верно описанные, точно подмеченные факты и явления, насильно втиснутые в априорно для автора существующее историческое полотно.

Наиболее ценными разделами работы Н. И. Шило и А. В. Глушко являются тщательно исследованные сюжеты, связанные с наступлением 5-й армии Восточного фронта Красной Армии на Курган и Омск осенью 1919 г. и с применением химического оружия против повстанцев-антоновцев летом 1921 г. Надо сказать, что оба эти сюжета впервые в историографии разработаны с такой полнотой. Можно констатировать, что после работы Н. И. Шило и А. В. Глушко уже невозможно будет всерьез повторять обвинения М. Н. Тухачевского в геноциде по отношению к крестьянам Тамбовской губернии. Более слабыми, на наш взгляд, являются очерки о роли М. Н. Тухачевского в становлении воздушно-десантных войск и о его гибели.

Изучение деятельности государственных деятелей, в том числе и военных, немислимо без обращения к истории государственных учреждений, причем затрагивающей сложные вопросы действительной роли в государственном аппарате того или иного органа. Когда историк проходит мимо этих проблем, он не может должным образом проанализировать действия своего героя. Так, Н. И. Шило и А. В. Глушко не видят никакой подоплеки, например, в спорах вокруг полномочий Штаба РККА в январе 1926 г.²⁷ Именно эта ситуация вынудила М. Н. Тухачевского на время покинуть пост в центральном аппарате и согласиться на должность командующего Ленинградским военным округом. Авторы полагают, что аргументы М. Н. Тухачевского о расширении полномочий Штаба РККА были продиктованы исключительно заботой о деле. Н. И. Шило и А. В. Глушко пишут: «Определенная эмоциональность этого письма, а также его ярко выраженная персонифицированность могут навести на мысль о каких-то аппаратных интригах и подковерных разбирательствах на тему о том, кто тут главный. Однако, как представляется, проблема все же в другом. Когда десять человек делают одно и то же дело одновременно и каждый по-своему — работать действительно невозможно»²⁸.

Для историка, осведомленного о некоторых сюжетах истории военных учреждений, вполне очевидно, что речь в письме М. Н. Тухачевского шла о соотношении полномочий в высшем руководстве вооруженных сил, конкретно, о «германской» или «французской» схеме руководства ими. То есть о том, в чьих руках находится оперативное руководство войсками в мирное время — начальника генерального штаба («германская» схема) или военного министра («французская» схема). В первом случае военный министр возглавляет лишь систему снабжения войск, а во втором — начальник генерального штаба является одним из помощников военного министра. Вопрос о соотношении полномочий начальника генерального штаба и министра бесконечно поднимался в разных вариациях, в частности,

в российском морском ведомстве он горячо дебатировался в 1905–1911 гг.²⁹ Если бы предложения М. Н. Тухачевского в 1926 г. были приняты, он бы превратился как минимум во второе лицо в военном ведомстве, а в военное время автоматически занял бы должность главнокомандующего, тогда как нарком К. Е. Ворошилов потерял бы большую часть своей власти.

Напомним, что М. Н. Тухачевский попал в центральный аппарат на пост заместителя начальника Штаба РККА, когда начальником Штаба был М. В. Фрунзе. В начале 1925 г. оба они поднимаются на ступень вверх — М. В. Фрунзе становится наркомом, а М. А. Тухачевский — начальником Штаба. При жизни М. В. Фрунзе полномочия начальника Штаба РККА устраивали М. Н. Тухачевского, а менее чем через три месяца после смерти М. В. Фрунзе и назначения наркомом К. Е. Ворошилова М. Н. Тухачевский начинает высказывать ему свои претензии. Мы не будем вдаваться в данном случае в разбор вопроса по существу, поскольку он заведет нас в рассуждения о преимуществах одной системы управления войсками над другой или о личных талантах М. Н. Тухачевского, К. Е. Ворошилова и М. В. Фрунзе. Важен тот факт, что М. Н. Тухачевский не был согласен с ролью одного из многих помощников К. Е. Ворошилова и желал занять второе место в советской военной иерархии. Ему было в этом отказано. Как раз поэтому и можно говорить в данном случае об «аппаратных интригах и подковерных разбирательствах на тему о том, кто тут главный»³⁰. Можно вспомнить и о том, что назначение наркомом М. В. Фрунзе, а потом К. Е. Ворошилова проходило на фоне отчаянной борьбы за лидерство в стране между Л. Д. Троцким и И. В. Сталиным, для которых контроль над вооруженными силами являлся одной из ключевых предпосылок лидерства в стране.

На наш взгляд, наибольшую научную ценность в контексте изучения биографии М. Н. Тухачевского представляет монография С. Т. Минакова³¹. В этой и ряде других его работ³² самым ценным и важным является идея новой методики изучения проблем, связанных с ролью и местом РККА в 20–30-е гг. Она заключается в изучении группировок командного состава вооруженных сил и является очень продуктивной, что продемонстрировал С. Т. Минаков на материале 20-х гг. Эта методика, несомненно, может быть применена и к другим периодам, в частности к просопографическому изучению офицерского корпуса русского флота периода Первой мировой и гражданской войн. Работа по этой методике способна значительно приблизить нас к правильному пониманию событий, происходивших в руководстве советскими вооруженными силами (и в руководстве страны) в 20–30-е гг. На наш взгляд, исследование биографии М. Н. Тухачевского, вышедшее из-под пера С. Т. Минакова, обладает на сегодня наибольшим научным весом.

С. Т. Минаков скрупулезно исследует факты, делает ряд метких и важных наблюдений относительно группировок и изменения политических симпатий и антипатий в высшем составе РККА и в 30-е гг. Однако применительно к событиям 30-х гг., особенно их второй половины, его метод начинает пробуксовывать из-за нехватки введенных в научный оборот

источников. Для исследователей пока недоступны не только большая часть комплекса судебного-следственных документов, связанных с репрессиями в РККА, но и документы советского военного планирования 30-х гг., а также и часть делопроизводственных документов центральных и местных органов военного управления этого периода. Это не позволяет в должной мере реконструировать взаимоотношения между военачальниками и судить о межгрупповой борьбе в руководстве военного ведомства СССР, что видно на примере работы С. Т. Минакова, посвященной репрессиям в высшем командном составе армии в 1937 г.³³

Приведенные примеры показывают, что изучение биографии М. Н. Тухачевского высвечивает ряд важнейших проблем в изучении истории СССР 20–30-х гг. Фигура «красного маршала» оказывается центром пересечения самых разных линий научных исследований. Поэтому без тщательного всестороннего анализа деятельности М. Н. Тухачевского в контексте столь же скрупулезного исследования военного строительства, внешней политики, борьбы за власть в СССР, невозможно будет нарисовать сколько-нибудь научный портрет этого крупного исторического деятеля.

Вполне очевидно, что необходимо разделять деятельность военного как полководца, военного администратора, военного теоретика, военного историка. Выдающиеся качества в одной из этих «ипостасей» не означают наличия выдающихся качеств в другой. Одновременно военный деятель может выступать как политический деятель, как автор мемуаров и т. д. Вспомним Д. А. Милютину, который проявил себя как крупный военный историк и выдающийся военный администратор, но который не был ни военным теоретиком, ни полководцем. А. Н. Куропаткин был видным военным администратором и известным теоретиком, но не полководцем. С. О. Макаров, несомненно, являлся ученым и военно-морским теоретиком, но не успел проявить себя в качестве флотоводца. Продолжая этот ряд, можно говорить о том, что К. Е. Ворошилов был крупным военным администратором, не обладая значительными полководческими дарованиями и не будучи военным теоретиком, тогда как М. Н. Тухачевский, несомненно, являлся крупным военным теоретиком, проявил несомненные полководческие таланты, но, вероятно, не являлся выдающимся военным администратором. Наличие любых военных талантов ни в коей мере не может предопределить деятельность военного как политика. Известно множество военных диктаторов, вполне успешных как политиков, но никак не проявивших себя в качестве военных деятелей и напротив, множество успешных полководцев, провалившихся на арене политической деятельности. Попытка смешения различных «ипостасей» военного деятеля может привести только к путанице. Неправомерны часто встречающиеся рассуждения, построенные по схеме: поскольку М. Н. Тухачевский писал теоретические работы и проявил себя как полководец в годы гражданской войны, он мог бы успешно командовать советскими войсками в условиях Великой Отечественной войны.

Говоря о военно-теоретических трудах военачальников 30-х гг., нельзя рассматривать их как полное и свободное выражение ими своих взглядов на развитие военного искусства

«в безвоздушном пространстве». Военно-теоретические работы — во всяком случае, применительно к 20–30-м гг., — это не только военное теоретизирование или историческое исследование, но и попытка определить весомость претензий различных военачальников на роль полководцев и, следовательно, на их место в военной иерархии страны.

Например, Б. М. Шапошников поступил весьма дипломатично, выбрав темой своего исследования «Мозг армии»³⁴ деятельность генерального штаба уже не существовавшей австро-венгерской армии, поскольку эта тема напрямую не затрагивала деятельность полководцев Красной Армии. Она не затрагивала также немецких военачальников, ведь с военным руководством Германии в конце 20-х гг. поддерживались довольно оживленные отношения. Тема исследования не касалась впрямую и русского дореволюционного командования, вопрос об оценке деятельности которого мог иметь некоторое политическое значение в условиях 20–30-х гг. В то же время, публикация бывших секретных австрийских документов и мемуаров бывшего начальника генштаба австро-венгерской армии Ф. Конрада фон Гетцендорфа давала достаточную источниковую базу для исследования. Изучение австрийских реалий позволяло поставить ряд острых вопросов — например, о месте генерального штаба и военного руководства в политической структуре государства, но при этом поставить эти вопросы абстрактно, без очевидной привязки к каким-либо советским реалиям. Такого рода работа не могла не иметь актуального «острия», и оно было направлено против идей М. Н. Тухачевского о главенствующей роли генерального штаба в аппарате руководства армией. Такую постановку вопроса Б. М. Шапошниковым нельзя считать конъюнктурной, поскольку аналогичные взгляды высказывались значительно раньше, например Д. А. Милютиным в его борьбе против концепции руководства армией А. И. Барятинского в конце 50–начале 60-х гг. XIX в.

Важно правильно понять: что из идей теоретиков 30-х гг. принадлежало завтрашнему дню и могло быть использовано в ходе Великой Отечественной войны, а что — к послезавтрашнему, то есть могло быть реализовано только после Великой Отечественной войны? М. Н. Тухачевский в своей работе «Новые вопросы войны», разработанной в 1931–1932 гг., а впервые опубликованной лишь в 1962 г.³⁵, писал, что «в империалистическую войну радио применялось исключительно как средство связи. В будущих войнах радио будет применяться и как непосредственное боевое средство: взрывы на расстояниях, управление танками, самолетами и прочее». «Решающее значение будут иметь так называемые самостоятельные действия воздушных сил во взаимодействии с сухопутными или морскими силами в более широком масштабе. Высаживая моторизованные десанты и продолжая поддерживать с ними боевую связь, большегрузная авиация создает авиатомеханизированные соединения нового типа. Этот вопрос еще совершенно новый, непривычный, и много имеется людей, которые не верят в важность и реальность этого нового военного фактора, представляя себе действия авиатомодесантов как эпизодическую случайность». Танковые соединения он представлял в той же работе как состоящие из быстроходных танков, вооруженных 76-мм

пушкой, быстроходных танков «саперной службы, способных быстро, без выхода людей из танка устранять встречающиеся препятствия», быстроходных «танков-транспортёров пехоты», наконец «ту часть артиллерийских танков, которая должна действовать против противотанковых орудий, желательно иметь в виде телеуправляемых танков». Относительно развития авиации М. Н. Тухачевский писал, например: «Несмотря на то, что полеты в стратосфере находятся в стадии первоначальных опытов, не подлежит никакому сомнению, что решение этой проблемы не за горами»³⁶.

Очевидно, что та война, картины которой рисует М. Н. Тухачевский в 1931–1932 гг., стала реальностью лишь в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. То, что его работа «Новые вопросы войны» была опубликована впервые лишь в 1962 г., подтверждает это обстоятельство. Даже если не принимать во внимание политический остракизм, которому подвергли наследие М. Н. Тухачевского в 1937–1956 гг., для подавляющего большинства здравомыслящих людей военных идеи, высказанные им в 1931–1932 гг., стали восприниматься как практически осуществимые лишь в начале космической эры. Опыт Великой Отечественной войны, в частности, показал, что бой против вражеских танков с наибольшей эффективностью вела пехота, усиленная противотанковой артиллерией, а не танки сами по себе. Попытки противопоставлять немецким танковым подразделениям свои танки приводили, как правило, к печальным последствиям³⁷. Исключительно танковые бои стали рассматриваться военными как возможная реальность на рубеже 50–60-х гг., поскольку возможное применение тактического ядерного оружия делало пехоту на поле боя очень уязвимой³⁸. Только в 80-е гг. в США была принята концепция «воздушно-наземной операции»³⁹, которая похожа на картину войны, нарисованную М. Н. Тухачевским в «Новых вопросах войны».

Закономерно возникает вопрос: не является ли такая прозорливость М. Н. Тухачевского явным признаком его гениальности, а невнимание к его пророческим словам — признаком косности мышления и даже одной из причин неудач Красной Армии в начале Великой Отечественной войны? Полагаем, что в военной теории «перепрыгивание» через этап развития вооружений и военной техники, вооруженных сил в целом, не менее опасно, чем отставание от современного уровня развития. Можно вспомнить увлечение высшего политического руководства СССР и лично Н. С. Хрущева ракетным оружием, что привело к вредным метаниям в области вооружения. Необходимо найти ту тонкую грань, которая отделяет технические грезы от опирающейся на экономику реальности.

В литературе 60–70-х гг. возникло несколько мифов о советском чудо-оружии 30-х гг., которое было сконструировано гениальными репрессированными изобретателями и по причине гибели своих создателей не сыграло должной роли в войне. Мы можем объяснить это явление эйфорией технического прогресса, связанной с началом космической эры. Такие мифы время от времени воскресают и сегодня. В отношении одного из них — о высочайшей эффективности радиоуправляемых фугасов — отсылаем читателей к статье подполковника

инженерных войск Ю. Г. Веремеева, который убедительно показывает, что эффективность минирования традиционными средствами была значительно выше, чем эффективность применения радиоуправляемых фугасов, и что немецкие войска не имели подобного вооружения как раз потому, что оно было недостаточно эффективным, а не из-за неспособности немецких конструкторов создать подобное оружие⁴⁰.

Подводя итоги, заметим, что необходимо разрабатывать ряд направлений изучения военного строительства 30-х гг., которым практически не уделяется внимания. Во-первых, это анализ конкретных решений военного руководства в области военного строительства — прежде всего, разработки штатов военного времени войсковых частей и соединений. Штаты военного времени представляют собой ту организацию, которая считалась оптимальной с точки зрения военной теории, была реалистичной с точки зрения укомплектования вооружением, имуществом, личным составом, и в той или иной мере отражала практический опыт строительства войск. Необходимо делать это в сравнении с аналогичными структурами вооруженных сил других стран того же времени, и с теми структурами, к которым пришли позднее, по опыту Великой Отечественной войны. Во-вторых, изучение организации штабов и управлений, поскольку эти структуры отражали теоретические взгляды, практический опыт, а также борьбу за «командные высоты» в вооруженных силах конкретных лиц и групп. В-третьих, изучение делопроизводственной документации по повседневному руководству войсками и материалов аттестаций способно привести к определенным выводам о способностях тех или иных начальников командовать войсками, о взаимоотношениях между ними, о группировках командного состава. В-четвертых, изучение планов первых операций, которые разрабатывались советским военным руководством в 20–30-е гг. в контексте военного строительства и военного планирования вероятных противников СССР. Решение этой последней задачи до сих пор затруднено неполной доступностью источников, зато для изучения первых трех организационные препятствия практически отсутствуют.

Когда в изучении этих направлений будут достигнуты определенные успехи, тогда станет возможным по-новому прочесть военно-теоретические работы 30-х гг., поставив их в контекст реального военного строительства. Тогда можно будет правильно интерпретировать краткие замечания, проскальзывавшие в мемуарах или выступлениях современников. Тогда можно будет ставить вопрос о создании свободной от мифов научной биографии М. Н. Тухачевского.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 15-31-01267.

² Первая скрипка армии [Документальный фильм] / Реж. В. Демаков. Россия, 2007. Продолжительность 38 мин.; Гении и злодеи уходящей эпохи — Михаил Тухачевский [Документальный фильм] / Реж. Ю. Маврина.

Россия, ТК «Цивилизация НЭО», 2009. Продолжительность 25 мин.; Тухачевский. Заговор маршала [Художественный фильм] / Реж. И. Ветров, сцен. А. Волин. Россия, Первый канал, 2010. Продолжительность 2 ч. 31 мин.

³ Наиболее ярко этот миф изложил Р. Б. Гуль в своих очерках: *Гуль Р. Б.* 1) Тухачевский. Красный маршал. Берлин, 1932; 2) Красные маршалы: Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский. Берлин, 1933; а также многочисленные переиздания в последние десятилетия: *Гуль Р. Б.* Красные маршалы. М., 1990; М., 1995; Ростов-на-Дону, 1998; М., 2011.

⁴ История ВКП(б): Краткий курс. М., 1938. С. 331–332.

⁵ *Никулин Л.* Тухачевский. М., 1964; *Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников.* М., 1965; *Тодорский А. И.* Маршал Тухачевский. М., 1966.

⁶ В основном этот миф бытует в «журналистском исполнении», без всякой претензии на научный анализ. См., например: *Кровавый маршал: Михаил Тухачевский, 1893–1937.* СПб., 1997; *Щелоков А. А.* «Друг народа» Михаил Тухачевский // Независимое военное обозрение. 7.10.2005. — URL: http://nvo.ng.ru/history/2005-10-07/5_tuhachevsky.html (дата обращения: 24.01.2015).

⁷ *Колпакиди А. И., Прудникова Е. А.* 1) Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000; 2) Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006, 2008, 2009, 2013; *Мартirosян А. Б.* Заговор маршала: Британская разведка против СССР. М., 2003.

⁸ Пожалуй, наиболее ярко этот миф представлен в работе: *Помогайбо А. А.* Вырванный меч империи. 1925–1940. М., 2006. — Под явным влиянием этого мифа находится работа: *Кантор Ю. З.* Война и мир Михаила Тухачевского. СПб., 2008; в определенной степени ему отдают дань: *Шило Н. И., Глушков А. В.* Маршал Тухачевский: Мозаика разбитого зеркала. М., 2014.

⁹ *Широкорад А. Б.* Большой блеф Тухачевского. Как перевооружалась Красная Армия. М., 2014.

¹⁰ *Минаков С. Т.* Сталин и его маршал. М., 2004.

¹¹ *Кантор Ю. З.* Война и мир Михаила Тухачевского.

¹² *Соколов Б. В.* Михаил Тухачевский: Жизнь и смерть «Красного маршала». Смоленск, 1999; М., 2003.

¹³ *Шило Н. И., Глушко А. В.* Маршал Тухачевский.

¹⁴ Там же. С. 647–710.

¹⁵ *Кровавый маршал...; Самуэльсон Л.* Красный колосс. М., 2001. — По признанию самого автора, «центральной фигурой исследования является Михаил Николаевич Тухачевский»; *Соколов Б. В.* 1) Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала». Смоленск, 1999. — Далее ссылки на это издание; 2) Тухачевский. М., 2008; 3) Тухачевский: расстрелянный маршал М., 2013; *Ювченко М. С.* Военно-политические взгляды М. Н. Тухачевского и современность: дисс. ... канд. полит. наук / Военный университет. М., 2009.

¹⁶ *Тухачевский М. Н.* Как мы предали Сталина. М., 2012.

¹⁷ *Соколов Б. В.* Михаил Тухачевский. С. 405–436.

¹⁸ Там же. С. 239.

¹⁹ Там же. С. 242.

²⁰ Боевой состав Советской Армии на 1 мая 1945 г. // Боевые действия Красной Армии в ВОВ. — URL: http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3788&Itemid=152 (дата обращения: 31.01.2015).

²¹ См., например: *Исаев А. В.* Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М., 2004.

²² *Кантор Ю. З.* Война и мир Михаила Тухачевского. С. 504.

²³ *Шунков В. Н.* Энциклопедия реактивной артиллерии. Минск, 2004. С. 87.

²⁴ Рассчитано нами по: Количественный и качественный состав авиационного парка Вооруженных сил СССР на 01.06.1941 г. // РККА: Рабоче-крестьянская Красная Армия. — URL: <http://www.rkka.ru/ihandbook.htm> (дата обращения: 24.01.2015).

²⁵ Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. С. 505.

²⁶ См., например: Радзиевский А. И. Танковый удар. М., 1977. С. 6–8. — Более подробно о переформировании танковых войск в 1939–1941 гг. и состоянии их вооружения см., например: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). М., 2000. С. 325–369.

²⁷ Шило Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский. С. 662–663.

²⁸ См. например: Назаренко К. Б. Морское министерство России: 1906–1914. СПб., 2010.

²⁹ Там же. С. 665.

³⁰ Шило Н. И., Глушков А. В. Маршал Тухачевский. С. 665.

³¹ Минаков С. Т. Сталин и его маршал. М., 2004.

³² Минаков С. Т. 1) Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000; 2) Военная элита 20–30-х гг. М., 2004; 3) Сталин и заговор генералов. М., 2005; 4) Лейб-гвардии капитан Тухачевский. Орел, 2012.

³³ Минаков С. Т. 1937: Заговор был! М., 2010.

³⁴ Шапошников Б. М. Мозг армии: В 3 т. М., 1927–1929.

³⁵ Тухачевский М. Н. Избр. произведения. М., 1964. Т. 2. Примеч. 187.

³⁶ Тухачевский М. Н. Новые вопросы войны // Там же. С. 184–191.

³⁷ См., например: Исаев А. В. Дубно, 1941: Величайшее танковое сражение Второй мировой. М., 2009.

³⁸ См., например: Танки и танковые войска. М., 1980.

³⁹ Воздушно-наземная операция (сражение) // Данилевич А. А., Рогозин О. К., Лоскутов Д. В. Война и мир в терминах и определениях: Военно-политический словарь. М., 2011.

⁴⁰ Веремева Ю. Минирование Харькова в 1941 году // Анатомия армии. — URL: <http://army.armor.kiev.ua/engeneer/xarkov.shtml> (дата обращения: 21.01.2015).

УДК 94(47).084

Назаренко К. Б. Михаил Николаевич Тухачевский: между мифами и исторической наукой // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 55–68.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются работы современных российских историков (Ю. З. Кантор, С. Т. Минакова, Б. В. Соколова, Н. И. Шило и А. В. Глушко), посвященные различным аспектам биографии маршала М. Н. Тухачевского. Эта фигура является во многом ключевой для изучения вопросов, связанных с политическим выбором офицеров «старой» русской армии во время революции, с оценкой роли военных деятелей гражданской войны, с военным строительством и с разработкой вопросов военной теории в 20–30-е гг., с борьбой за власть в руководстве СССР, с репрессиями 30-х гг., наконец, с проблемой причин поражений Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны. Отмечается необходимость строго различать разные стороны деятельности военачальников — их полководческую, военно-административную, военно-теоретическую и политическую деятельность. Автор указывает на наличие значительного числа мифов — утверждений, бытующих в историографии, но не подкрепленных фактами. Вскрывается ряд проблем современной российской историографии — крайний плюрализм мнений, приводящий к сосуществованию концепций, которые были порождены различными эпохами и стадиями развития исторической науки, слабая связь между историками, нежелание вступать в дискуссию, следование предвзятым установкам. Делается вывод о необходимости изучения организационной структуры штабов и войск в сравнении с аналогичными структурами вооруженных сил других стран, делопроизводственной документации по повседневному руководству войсками и материалов аттестаций, а также изучение планов первых операций, которые разрабатывались советским военным руководством в 20–30-е гг. в контексте военного строительства и военного планирования вероятных противников СССР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М. Н. Тухачевский, историография, военная история, Красная Армия, гражданская война, мифы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); k.nazarenko@spbu.ru

Nazarenko K. B. Mikhail Tukhachevsky: between Myths and Historical Science

ABSTRACT: The article analyzes the studies of contemporary Russian historians (Y. Z. Kantor, S. T. Minakov, B. V. Sokolov, N. I. Shilo and A. V. Glushko) on various aspects of the biography of Marshall M. N. Tukhachevsky. The analyze of this personality is can help to understand political choice of officers of the 'old' Russian army during the revolution, the assessment of the role of the military leaders of the Civil War, a military construction and development issues of military theory in 20–30th., the struggle for power in the leadership of the USSR, the repression of 1930s and also the problem of defeat of the Red Army in the initial period of World War II. It is necessary to find a strict distinction between the different aspects of the activity of military leaders — their military leadership, military-administrative, military-theoretical and political activity. The author points to the large number of myths and statements, which are prevailing in historiography, but did not favor by the facts. It reveals a number of problems of contemporary Russian historiography, for example, the extreme diversity of opinions, leading to the coexistence of the concepts that have been generated in different eras and stages of development of historical science, the weak links between historians, unwillingness to get into argument, following prejudiced attitudes. The author makes a conclusion about necessity of study the organizational structure of headquarters and troops in comparison with the similar structures of the other countries' armed forces, daily management of troops and material certifications, as well as the study of the first operations plans, which were developed by the Soviet military leadership in 1920–1930s in the context of military construction and military planning of the potential enemies of the USSR.

KEYWORDS: M. N. Tukhachevsky, historiography, military history, the Red Army, Civil War, myths.

AUTHOR: Doctor of history, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); k.nazarenko@spbu.ru

REFERENCES:

- ¹ Gul R. B. *Tuhachevskij. Krasnyj maršal* (Berlin, 1932).
- ² Gul R. B. *Krasnye maršaly: Voroshilov, Budennyj, Bljuher, Kotovskij* (Berlin, 1933).
- ³ *Istorija VKP(b): Kratkij kurs* (Moscow, 1938).
- ⁴ Nikulin L. *Tuhachevskij* (Moscow, 1964).
- ⁵ *Maršal Tuhachevskij: Vospominanija družej i soratnikov* (Moscow, 1965).
- ⁶ Todorskiy A. I. *Maršal Tuhachevskij* (Moscow, 1966).
- ⁷ *Krovavyy maršal: Mihail Tuhachevskij, 1893–1937* (St. Petersburg, 1997).
- ⁸ Shchelokov A. A. «Drug naroda» Mihail Tuhachevskij, *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 2005, 7 November.
- ⁹ Kolpakidi A. I., Prudnikova E. A. *Dvojnij zagovor. Stalin i Gitler: nesostojavshiesja putchi* (Moscow, 2000).
- ¹⁰ Kolpakidi A. I., Prudnikova E. A. *Dvojnij zagovor. Tajny stalinskih repressij* (Moscow, 2006).
- ¹¹ Martirosjan A. B. *Zagovor maršalov: Britanskaja razvedka protiv SSSR* (Moscow, 2003).
- ¹² Pomogajbo A. A. *Vyrvannyj mech imperii. 1925–1940* (Moscow, 2006).
- ¹³ Kantor Yu. Z. *Vojna i mir Mihaila Tuhachevskogo* (St. Petersburg, 2008).
- ¹⁴ Shilo N. I., Glushkov A. V. *Maršal Tuhachevskij: Mozaika razbitogo zerkala* (Moscow, 2014).
- ¹⁵ Shirokorad A. B. *Bol'shoj blef Tuhachevskogo. Kak perevoorzhalas' Krasnaja Armija* (Moscow, 2014).
- ¹⁶ Minakov S. T. *Stalin i ego maršal* (Moscow, 2004).
- ¹⁷ Sokolov B. V. *Mihail Tuhachevskij: Zhizn' i smert' «Krasnogo maršala»* (Moscow, 2003).

- ¹⁸ Samuelson L. *Krasnyj koloss* (Moscow, 2001).
- ¹⁹ *Tuhachevskij* (Moscow, 2008).
- ²⁰ *Tuhachevskij: rassstreljannyj maršal* (Moscow, 2013).
- ²¹ Yuvchenko M. S. *Voенно-politicheskie vzgljady M. N. Tuhachevskogo i sovremennost'* [Candidate of Political Science Dissertation] (Moscow, 2009).
- ²² Tuhachevskij M. N. *Kak my predali Stalina* (Moscow, 2012).
- ²³ Isaev A. V. *Antisuvorov. Desjat' mifov Vtoroj mirovoj* (Moscow, 2004).
- ²⁴ Shunkov V. N. *Enciklopedija reaktivnoj artillerii* (Minsk, 2004).
- ²⁵ Radzievskij A. I. *Tankovyj udar* (Moscow, 1977).
- ²⁶ Meltyukhov M. I. *Upushhennyj shans Stalina: Sovetskij Sojuz i bor'ba za Evropu: 1939–1941 (dokumenty, fakty, suzhdenija)* (Moscow, 2000).
- ²⁷ Nazarenko K. B. *Morskoe ministerstvo Rossii: 1906–1914* (St. Petersburg, 2010).
- ²⁸ Minakov S. T. *Sovetskaja voennaja jelita 20-h godov (sostav, jevoljucija, sociokul'turnye osobennosti i politicheskaja rol')* (Orel, 2000).
- ²⁹ Minakov S. T. *Voennaja jelita 20–30-h gg.* (Moscow, 2004).
- ³⁰ Minakov S. T. *Stalin i zagovor generalov* (Moscow, 2005).
- ³¹ Minakov S. T. *Lejb-gvardii kapitan Tuhachevskij* (Orel, 2012).
- ³² Minakov S. T. *1937: Zagovor byl!* (Moscow, 2010).
- ³³ Shaposhnikov B. M. *Mozg armii*. 3 volumes (Moscow, 1927–1929).
- ³⁴ Tuhachevskij M. N. *Izbr. proizvedenija*. Vol. 2 (Moscow, 1964).
- ³⁵ Isaev A. V. *Dubno, 1941: Velichajshee tankovoe srazhenie Vtoroj mirovoj* (Moscow, 2009).
- ³⁶ *Tanki i tankovye vojska* (Moscow, 1980).
- ³⁷ Danilevich A. A., Rogozin O. K., Loskutov D. V. *Vojna i mir v terminah i opredelenijah: Voенно-politicheskij slovar'* (Moscow, 2011).